Исключение молодёжи из повестки избирательных кампаний: причины, последствия и пути преодоления

Винокурова Ирина Алексеевна
соискатель кафедры государственного управления и политических технологий, Уральский институт управления – филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, L0888@yandex.ru

На фоне глобального старения электората в сочетании с трансформацией институтов представительной демократии наблюдается системное отчуждение молодых граждан от конвенциональных форм участия в управлении государством. Ориентация партийных структур на наиболее дисциплинированные старшие возрастные когорты приводит к фактической маргинализации запросов юношества. Сложившийся дисбаланс блокирует межпоколенческую преемственность. При этом формируются долгосрочные риски делегитимации принимаемых государственных решений, перенаправляя энергию социальной неудовлетворенности в русло неинституционализированного протеста. Цель в статье – анализ структурных причин исключения молодежи из реальной повестки избирательных кампаний; оценка социально-политических последствий этого явления; выработка практических стратегий реинтеграции новых поколений в легальное поле публичной политики. Обоснована несостоятельность применения привычной парадигмы «гражданского долга» к современному молодому избирателю. Предложена авторская схема преодоления электорального абсентеизма путем перехода к инфраструктуре «вовлеченного гражданства». Сформулирован пул нетривиальных механизмов реинтеграции: обязательное целевое квотирование для молодых политиков в партийных списках; интеграция микрополитических процедур инициативного бюджетирования в повседневную жизнь; создание института независимых «цифровых наблюдателей» для демистификации алгоритмов онлайн-выборов. Обозначена триада ключевых факторов политического отчуждения молодежи: демографический сдвиг в сторону геронтократии; резкий диссонанс между социально-экономическими потребностями новых поколений и консервативной повесткой партий; выраженный коммуникативный разрыв.

Ключевые слова: абсентеизм, геронтократия, дистанционное электронное голосование, избирательные кампании, молодежь, политическое отчуждение, политическое участие, электоральное поведение

Введение

Трансформация институтов представительной демократии в первой четверти XXI века сопровождается рядом ярко выраженных противоречий. Среди них особую остроту приобретает проблема электорального участия новых поколений.

Политические элиты, руководствуясь прагматичной логикой максимизации электорального результата, выстраивают свои стратегии с опорой на наиболее дисциплинированные возрастные когорты (имеются в виду граждане старшего и пенсионного возраста). Вследствие этого предвыборные программы, риторика, каналы коммуникации подстраиваются под консервативный запрос. Молодые избиратели, чьи интересы касаются гарантий первого трудоустройства, доступности стартового жилья, качества образования, цифровых свобод, не находят отражения своих потребностей в предлагаемых партийных платформах. Возникает классический порочный круг: политические акторы игнорируют юношество из-за его низкой явки, а новые поколения бойкотируют избирательные участки, поскольку не видят в выборах инструмента решения своих насущных проблем.

Между тем, игнорирование политического потенциала данной демографической группы несет в себе существенные риски в контексте устойчивости государственной системы. Энергия социальной неудовлетворенности, которая не находит выхода через институционализированные каналы парламентаризма, неизбежно канализируется в альтернативные формы активности (цифровой эскапизм; неформальные, а подчас и радикальные уличные протесты). Разумно предположить, что без теоретической рефлексии и разработки действенных практических механизмов реинтеграции госинституты рискуют столкнуться с серьезным разрывом межпоколенческой преемственности.

В статье автор нацелен на анализ причин политической маргинализации новых поколений, на оценку социально-политических последствий этого процесса, на выработку путей преодоления сложившегося отчуждения на основе интеграции отечественного и зарубежного научного опыта.

Материалы и методы исследования

Работа базируется на анализе вторичных социологических данных, официальной электоральной статистики, актуального научного дискурса. Эмпирическую базу составили результаты всероссийских репрезентативных опросов и многолетних мониторингов Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). В частности, анализировались данные об изменении образа молодежи, уровне ее социальной ответственности, отношении к процедуре дистанционного электронного голосования (ДЭГ). Статистические показатели электоральной активности, а также результаты применения ДЭГ на выборах различного уровня (в том числе, президентскую кампанию 2024 г. и выборы в Государственную Думу 2021 г.) опираются на академические и аналитические материалы, которые основываются на официальных данных Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.

Методологическим «фундаментом» послужили концепции зарубежных (К. Крауч, Р. Далтон, П. Норрис, М. Уоттенберг) и отечественных (М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги, Р. В. Пырма и т. д.) политологов и социологов. В статье применялись методы системного и структурно-функционального анализов, которые позволили выявить институциональные барьеры, препятствующие политическому участию молодежи. В целях оценки влияния цифровых избирательных технологий на политическое поведение задействовано сравнение итогов голосования на традиционных участках и в системе ДЭГ.

Результаты и обсуждение

1. Теоретические основания политического отчуждения: зарубежный и отечественный дискурс

Для того, чтобы понять природу электорального абсентеизма, необходимо обратиться к фундаментальным теоретическим концептам, посредством которых описывается эволюция современных демократических режимов.

Так, в зарубежной политической науке предлагается несколько дополняющих друг друга объяснительных моделей. Одной из наиболее влиятельных является концепция «постдемократии». Как

отмечает И. Л. Честнов, причиной соответствующей трансформации является «…политика неолиберализма… Однако именно демократия в силу своей адаптивной способности в состоянии найти ответ на вызовы эпохи постмодерна» [19, с. 57]. Сама концепция была разработана британским социологом К. Краучем. Ученый обосновывает, что в развитых обществах демократические институты сохраняют свою формальную «оболочку», однако реальный центр принятия решений смещается в сторону закрытых политико-экономических элит. В рассматриваемой парадигме выборы превращаются в тщательно «срежиссированный» медийный спектакль. Он управляется профессиональными политтехнологами. Начинающие избиратели, обладая обостренным чувством социальной справедливости и высокой чувствительностью к имитационным практикам, интуитивно распознают эту фальшь. Осознавая, что их голос не способен изменить базовый элитный консенсус, они осознанно дистанцируются от электорального процесса [9].

Другим важным теоретическим ключом служит теория трансформации норм гражданственности Р. Далтона. Он аргументирует, что мы наблюдаем не упадок политического участия как такового, а смену его парадигмы. Исторически доминировавшая модель «гражданина долга», для которой голосование и лояльность государственным институтам являлись безусловной обязанностью, уступает место модели «вовлеченного гражданина» [20].

Схожую позицию занимает П. Норрис, Она предложила концепт «критически мыслящих граждан». Согласно ее выводам, новые поколения могут всецело разделять идеалы либеральной демократии, но при этом весьма скептически оценивать реальное функционирование представительных органов. Этот когнитивный диссонанс порождает не аполитичность, а явное отчуждение от партийных структур [21].

Весомый вклад в понимание коммуникативных барьеров внес Мартин Уоттенберг. В своей монографии «Голосует ли молодежь?» он детально анализирует, как изменения в медиапотреблении влияют на электоральную явку. Он отмечает, что историческое снижение доли молодых людей, которые регулярно читают газеты либо смотрят телевизионные новости, привело к существенному информационному разрыву. Политика банально исчезла из их повседневного информационного поля. Примечательно, что даже институциональные реформы, в частности, принятие 26-й поправки к Конституции США, снизившей избирательный возраст до 18 лет, не привели к долгосрочному росту участия, поскольку не был решен вопрос касательно смысловой вовлеченности. Привычка голосовать формируется в раннем возрасте. И если первый электоральный цикл пропускается, вероятность абсентеизма в будущем многократно возрастает [22].

В российской социологической и политологической традиции проблема молодежи исследуется с учетом специфики транзитного общества. Фундаментальный социологический портрет молодого поколения был представлен в труде М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги. Ученые доказали, что вопреки распространенным стереотипам, в России отсутствует жесткий ценностный конфликт между поколениями в отношении оценки исторического прошлого. Тем не менее, существуют серьезные расхождения в видении будущего и стратегий самореализации на фоне демографического сжатия [6].

Специфика политического восприятия юношества изучена И. Н. Савеличевой, И. С. Шаповаловой, Д. А. Головиным, А. В. Селезневой, Н. С. Скипиным, Е. А. Турковым. Исследователи подчеркивают, что морали молодых россиян свойственна когнитивная простота, смысловая эклектичность, фрагментарность. Формирование национально-государственной идентичности часто происходит на фоне кризисов. И это делает политическое сознание неустойчивым и склонным к эмоциональным реакциям. Как следствие, партиям очень сложно выстроить с этой аудиторией долгосрочную идеологическую связь [5, 15, 16].

На это же указывает В. В. Петухов, который отмечает, что традиционное деление политического спектра на «левых» и «правых» полностью утратило свой мобилизационный потенциал для новых избирателей [13]. Современный молодой человек связывает образ желаемого будущего не с идеологическими догмами, а с конкретными принципами социальной справедливости, демократии, прагматичного мироустройства.

Электоральное поведение также сильно дифференцировано. Р. В. Пырма и К. Г. Устинкина показывают, что готовность к участию в выборах напрямую зависит от социального происхождения, уровня доходов, образования. При этом отмечается, что абсентеизм не является абсолютной константой: при наличии мощных мотивационных факторов и внедрении новых технологий (как это было в ходе президентской кампании 2018 г.) молодежь способна к резкой электоральной мобилизации. Между тем, в межвыборный период интерес политиков к этой страте угасает. Это лишь усиливает взаимное недоверие [14, 17].

Подытожим, что маргинализация новых поколений в избирательном процессе – это сложный, многофакторный процесс. Он детерминирован кризисом традиционных политических институтов, изменением ценностных ориентаций граждан, технологической перестройкой каналов коммуникации.

2. Структурные причины исключения: демография, экономика, ценности

Первопричиной структурного дисбаланса является глобальное старение населения, которое характерно для большинства развитых государств, в том числе, России. Увеличение продолжительности жизни вкупе с падением рождаемости привели к тому, что в структуре электората доля лиц старше 55 лет стала подавляющей. В политической науке это явление описывается термином «геронтократия» (доминирование старших возрастов не только в структурах власти, но и в формировании электорального заказа) [1, 2, 8]. Как отмечает Р. А. Антонов, «…в политической науке первостепенное внимание уделялось проблеме геронтократии именно в «Старом Свете». В отечественной политологии доказан тезис о том, что именно преклонный возраст руководящего состава СССР в 1970-1980- е гг. и фактическая остановка рекрутирования управленческих кадров на среднем уровне оказали значительное влияние на развитие страны в конце XX в.» [2, с. 25].

С точки зрения политического менеджмента, партии действуют рационально: они инвестируют ресурсы в тот сегмент, который гарантированно придет на избирательные участки. Лица пенсионного возраста обладают высокой дисциплиной. Она сформировалась еще в индустриальную эпоху. В результате вся предвыборная риторика начинает вращаться вокруг вопросов индексации пенсий, сохранения статус-кво, исторической памяти и т. д. Проблемы, волнующие тех, кому предстоит жить в этой стране следующие десятилетия, сознательно выносятся на периферию, поскольку инвестиции в мобилизацию скептично настроенных студентов признаются политтехнологами нерентабельными.

Важный блок причин кроется в разительном контрасте между тем, что предлагает государство, и тем, в чем действительно нуждается молодое поколение. Для наглядности расхождений между реальными потребностями новых избирателей и стандартной политической повесткой обратимся к таблице 1.

Таблица 1
Наиболее острые проблемы российской молодежи по оценкам граждан (в %, по данным ВЦИОМ, 2023 г.) [23]

Проблемная область	Доля отметивших проблему, %	Характер реакции традиционных партий
Трудоустройство без опыта работы	39	Спорадические программы, акцент на бюджетный сектор
Жилищный вопрос (приобретение первого жилья)	37	Льготные ипотеки (часто недоступные без первоначального взноса)
Получение хорошего образования	28	Сокращение бюджетных мест в ряде гуманитарных вузов
Низкий уровень материального положения	28	Декларативные обещания без системного роста экономики
Создание семьи и обеспечение детей	20 (юноши) / 37 (девушки)	Фокус на традиционных ценностях вместо экономической базы

В сопоставлении с более ранними подходами, на современных избирательных платформах редко предлагаются системные решения по указанным пунктам. Вместо обсуждения гибких форм занятости, защиты прав фрилансеров, поддержки технологических стартапов, снижения налоговой нагрузки на малый бизнес, кандидаты зачастую прибегают к абстрактному морализаторству.

Еще один причинный аспект исключения инициирован коммуникативной «пропастью». Институты политического представительства остаются продуктом индустриальной эры. Они функционируют в логике иерархий, жестких партийных уставов, территориальных комитетов. В то же время цифровая среда существует в парадигме

горизонтальных сетей, мгновенной обратной связи, алгоритмических лент новостей.

Для молодого человека, который привык к транспарентности и кастомизации цифровых сервисов, устоявшиеся политические процедуры выглядят очень архаичными. Бюрократические барьеры при регистрации кандидатов, канцелярский язык дебатов, использование устаревших форматов агитации (к примеру, печатных листовок в почтовых ящиках) вызывают отторжение. Как отмечает В. В. Петухов, институциональная политика не успевает за динамикой социальных настроений [13]. В результате формируется устойчивый запрос на новые лица и искреннюю, не «срежиссированную» коммуникацию, который системные партии удовлетворить не в состоянии.

3. Цифровая трансформация выборов

Осознавая существенное снижение легитимности из-за падения явки, госинституты предприняли ряд попыток технологической модернизации процесса голосования. Ключевым нововведением в Российской Федерации стало масштабное внедрение дистанционного электронного голосования (ДЭГ). Как отмечает И. М. Виноградова, «…комплекс ДЭГ представляет совокупность специализированных информационных технологий и цифровых платформ (ГАС «Выборы», Цифровая платформа, программно-технический комплекс ДЭГ, Единый портал государственных услуг, единая система идентификации и аутентификации), которые обеспечивают защищенную передачу результатов голосования каждого избирателя. Одним из ключевых процессов в российском ДЭГ является принцип анонимизации, закреплённый в Постановлении ЦИК РФ от 08 июня 2022 года №86/716-8…, представляющий собой процедуру, обеспечивающую посредством программно-технических решений и организационных мер невозможность установления связи между персональными данными избирателя или участника референдума и сохраняемым результатом его волеизъявления» [4, с. 52].

Технологическая эволюция процедуры была призвана снизить трансакционные издержки – избавить избирателя от необходимости физического посещения участка. И это особенно актуально для мобильной и занятой молодежи [7, 12].

С помощью эмпирического анализа подтверждается, что внедрение цифровых инструментов оказало серьезное влияние на электоральную активность. Уже в период с 2021 по 2023 гг. ДЭГ применялось в десятках регионов страны. В ходе президентских выборов 2024 г., когда система была доступна в 29 субъектах Федерации, удаленным форматом воспользовались 4,4 млн граждан. Примечательно, что из этого числа 1 миллион 452 тысячи составили представители молодежи [10, 11, 18]. Это огромный массив голосов, который с высокой долей вероятности остался бы в зоне абсентеизма, если бы система предполагала лишь традиционные бумажные бюллетени.

Общественное восприятие данной новации характеризуется сдержанным оптимизмом с явным креном в сторону позитива среди молодых возрастных групп. По данным ВЦИОМ за 2024 г., 53% россиян в целом одобряют онлайн-голосование [24]. Для того, чтобы проследить зависимость отношения к технологиям от возраста и пола, обратимся к таблице 2.

Таблица 2

Мнение россиян о влиянии онлайн-голосования на количество желающих принять участие в выборах (в %, 2024 г.) [24]

Вариант ответа	Все опрошенные	Мужчины	Женщины	18-24 года	25-34 года	35-44 года	45-59 лет	60+ лет
Увеличит	52	49	54	68	55	50	54	44
Никак не повлияет	28	30	26	23	32	30	26	26
Снизит	10	8	11	6	4	13	9	12
Затрудняюсь ответить	10	13	9	3	9	7	11	18

В ходе анализа данных нами фиксируется, что наибольшие надежды на стимулирующий эффект ДЭГ возлагает именно когорта 18-24 лет (68%). Для рассматриваемой группы смартфон является естественным «продолжением» личности. А перенос гражданских процедур в онлайн воспринимается не как эксперимент, а как запоздалая адаптация государства к реальности.

Помимо этого, изменение канала голосования напрямую воздействует на структуру политического выбора. Это хорошо видно на примере парламентских выборов 2021 г. (см. таблицу 3).

Таблица 3

Сравнение результатов партий на традиционных участках (УИК) и в системе ДЭГ (выборы в Госдуму РФ, 2021 г., в %)

(составлено на основе [10, 11, 18])

Политическая партия	Результат на УИК (бумажные бюллетени)	Итог в ДЭГ (онлайн-голосование)	Разница (ДЭГ минус УИК)
Единая Россия	41,21	47,24	+ 6,03
КПРФ	21,27	12,65	- 8,62
Справедливая Россия	9,90	9,17	- 0,73
ЛДПР	8,57	8,36	- 0,21
Новые люди	6,04	8,77	+ 2,73

Благодаря представленной таблице подтверждается гипотеза о том, что цифровизация выборов корректирует политический баланс. Партии, которые сумели мобилизовать лояльный технологичный электорат, а также новые структуры, апеллирующие к модернизационной повестке («Новые люди»), получили в ДЭГ ощутимую прибавку. В то же время, структуры с возрастным «ядерным» электоратом (КПРФ) предсказуемо «просели» в онлайн-среде.

Между тем, было бы ошибочно полагать, что внедрение смарт-технологий предстает в качестве панацеи от политического отчуждения. ДЭГ успешно нивелирует логистические барьеры. Но при этом не решается фундаментальная проблема доверия и смыслового вакуума. Социологические замеры показывают, что около 30% граждан по-прежнему полагают, что онлайн-голосование делает выборы менее прозрачными. Вдобавок, среди активных пользователей интернета (которые часто совпадают с молодежной когортой) доля сомневающихся в честности электронных процедур достигает 36% [24]. Технология не способна заменить идеологию. Удобство интерфейса может привлечь молодого избирателя один раз. Но если в самом бюллетене он не найдет кандидатов, отражающих его ценности, в следующий раз он проигнорирует даже пуш-уведомление на смартфоне.

4. Последствия маргинализации для государства и общества

Продолжающееся системное отчуждение новых поколений от легальной электоральной политики образует ряд деструктивных последствий. И они угрожают долгосрочной стабильности.

Так, происходит серьезное искажение государственного курса. Демократические институты задуманы как механизм агрегирования интересов всех слоев общества. Когда значительная часть экономически активного, интеллектуально развитого населения добровольно отказывается от своего голоса, парламент и местные советы перестают быть репрезентативными. Законодательная база начинает формироваться с сильным креном в сторону патернализма, ретроградности. Бюджетные приоритеты смещаются: долгосрочные инвестиции в науку, прорывные технологии, развитие комфортной урбанистической среды, поддержку молодых семей приносятся в жертву текущим социальным выплатам, призванным удовлетворить лояльного пожилого избирателя. Это неизбежно ведет к экономической стагнации, к снижению глобальной конкурентоспособности государства.

Помимо этого, политическая изоляция влечет за собой социальный инфантилизм. Как отмечают А. О. Барангов, И. А. Федосеева, он «…проявляется в различных аспектах поведения личности. Это включает нежелание принимать ответственность за свои действия, игнорирование возможности принятия самостоятельных решений и отсутствие мотивации для общественно полезной деятельности. Личность, склонная к социальному инфантилизму, может игнорировать трудности, впадать в самообман… неспособна реалистично оценивать события и прогнозировать последствия своих действий» [3, с. 41-42]. Ответственность формируется сугубо в процессе принятия решений. Находясь годами в роли пассивных наблюдателей или объектов идеологического воздействия, молодые люди теряют навыки критического осмысления госуправления. В их сознании закрепляется потребительское отношение к власти. Это подтверждается исследованиями, в которых фиксируется когнитивная простота и эклектичность политической морали юношества (А. В. Селезнева, Н. С. Скипин, Е. А. Турков [16]).

В дополнение к отмеченному, искусственное сужение легальных каналов представительства не уничтожает саму энергию несогласия. Она неизбежно перетекает в неконвенциональные формы активности. Отчужденная молодежь все чаще обращается к практикам

«повседневной демократии» и локальному активизму, который легко масштабируется в неконтролируемые протестные движения. Глобальный индекс участия молодежи демонстрирует, что разочарование в формальных институтах коррелирует с ростом радикальных взглядов и готовностью выходить на улицы [25].

Игнорирование запросов юношества лишает политическую систему необходимой гибкости. В реалиях перманентной глобальной турбулентности выживают лишь те государства, которые способны оперативно приспособиться к новым вызовам.

5. Стратегии реинтеграции молодежи

С авторской точки зрения, решение проблемы возвращения молодых граждан в политическое поле требует отказа от имитационных практик. Развлекательные флешмобы или приглашение попзвезд на избирательные участки лишь усугубляют ситуацию, демонстрируя несерьезное отношение элит к юношеству. На основании проведенного анализа уместно сформулировать ряд рекомендаций, которые ориентированы на структурную перестройку электорального процесса.

Так, из-за механизмов внутрипартийной конкуренции блокируется продвижение молодых лидеров, а программы пишутся под возрастного избирателя. Рекомендуется законодательно или на уровне партийных уставов закрепить обязательное присутствие не менее 20-30% кандидатов в возрасте до 35 лет на проходных местах. Помимо этого, необходимо институционализировать практику оценки регулирующего воздействия: каждый крупный законопроект, предлагаемый партией, должен сопровождаться экспертным заключением о его влиянии на будущие поколения. Характеризуемая мера позволит разрушить монополию геронтократии. Наличие молодых кандидатов автоматически потянет за собой изменение риторики, заставляя обсуждать вопросы технологического суверенитета, цифровых прав, доступного жилья, а не только проблемы пенсионного обеспечения.

Молодежью выборы воспринимаются как редкий, «оторванный» от реальной жизни ритуал, не дающий осязаемых результатов. Решение видится в интеграции микрополитических процедур в повседневную жизнь через механизмы партисипаторного (инициативного) бюджетирования. Молодые люди должны получить право прямого электронного голосования за проекты распределения части муниципальных бюджетов (благоустройство кампусов, создание креативных кластеров, экологические инициативы и т. п.). Опираясь на концепцию «вовлеченного гражданина» Р. Далтона, упомянутую ранее, данный подход удовлетворяет запрос молодежи на проектную деятельность и быстрый результат. Благодаря привычке участвовать в локальном самоуправлении формируется базовое доверие к институту голосования как таковому. И оно в дальнейшем естественным образом экстраполируется на региональные и федеральные кампании.

Важен серьезный пересмотр информационного сопровождения систем цифрового голосования. Вектор государственной коммуникации рационально сместить с примитивной рекламы «удобства» на демистификацию алгоритмов шифрования и подсчета. Нужно создание института независимых «цифровых наблюдателей», который сформируется из числа студентов профильных IT-факультетов, хакеров-энтузиастов, лидеров мнений в сфере технологий. Допуск независимых молодых специалистов к публичному тестированию и аудиту кода системы легитимизирует процедуру в глазах самой скептичной страты. Диалог переводится из идеологической плоскости в понятный для молодежи технократичный формат.

Наконец, еще одно предложение касается синхронизации политического языка и медиаформатов. Архаичный язык и устаревшие каналы коммуникации (ТВ, газеты) делают политику невидимой для цифрового поколения. Нужен отказ политических штабов от традиционной модели агитации. Фокус уместно перенести на работу в неформальных цифровых средах: интеграция в стриминговые платформы, подкасты; участие кандидатов в киберспортивных турнирах, онлайн-дебатах без жесткой модерации. Политики обязаны прийти туда, где находится их потенциальный избиратель, и заговорить с ним на его языке, не боясь острых вопросов и прямого диалога.

Заключение

Феномен исключения молодежи из повестки избирательных кампаний не является локальным сбоем российской электоральной «машины» или свидетельством деградации гражданского сознания новых поколений. Перед нами глубокий структурный кризис институтов представительной демократии, которые столкнулись с объективными вызовами старения социума и стремительной цифровизацией.

В рамках концепции постдемократии выборы рискуют превратиться в ритуальный процесс перераспределения властных ресурсов внутри замкнутых элит с опорой на консервативное большинство. Это в долгосрочной перспективе неминуемо ведет к делигитимации государства.

Между тем, социологические данные указывают на то, что молодые граждане отнюдь не деполитизированы. Они прагматичны, ориентированы на самостоятельность, ценят справедливость, готовы к участию, если видят прозрачность процедур и осязаемость результатов. Опыт внедрения дистанционного электронного голосования в России показал, что снижение логистических барьеров вкупе с переводом процедуры в привычный интерфейс смартфона способны вернуть на виртуальные избирательные участки сотни тысяч молодых людей.

Одни лишь цифровые надстройки не способны нивелировать проблему содержательного вакуума. До тех пор, пока политические партии не начнут артикулировать реальные экономические и социальные запросы юношества (гарантии занятости, защита цифровых свобод и. т. д.), и не допустят молодых лидеров к реальным рычагам управления через квотирование и обновление кадров, уровень политического отчуждения будет сохраняться.

Полученные выводы и сформулированные рекомендации послужат методологической базой как для последующих исследований, так и для корректировки стратегий политического менеджмента в преддверии новых электоральных циклов.

Литература

1. Ананченкова, П. И. Будущее мировой политики в условиях старения населения / П. И. Ананченкова // Власть. – 2025. – Т. 33, № 4. – С. 287-293. – DOI 10.24412/2071-5358-2025-4-287-293. – EDN QFSSFP.

2. Антонов, Р. А. Кризис поколений в американской политической элите в начале XXI В.: проблема геронтократии / Р. А. Антонов // Российский социально-гуманитарный журнал. – 2024. – № 2. – С. 24-38. – DOI 10.18384/2224-0209-2024-2-1426. – EDN GZXPPS.

3. Барангов, А. О. Социальный инфантилизм в контексте образования и воспитани / А. О. Барангов, И. А. Федосеева // Специфика педагогического образования в регионах России. – 2023. – № 1(16). – С. 41-43. – EDN OACWLU.

4. Виноградова, И. М. Технология дистанционного электронного голосования в России: опыт реализации и дальнейшие перспективы / И. М. Виноградова // PolitBook. – 2024. – № 2. – С. 51-76. – DOI 10.24412/2227-1538-2024-2-51-76. – EDN MIANZA.

5. Головин, Д. А. К вопросу об изучении факторов, влияющих на политическое сознание современной российской молодежи / Д. А. Головин // Социально-политические науки. – 2020. – Т. 10, № 6. – С. 80-90. – DOI 10.33693/2223-0092-2020-10-6-80-90. – EDN RJRJNH.

6. Горшков, М. К. Молодежь России: социологический портрет / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с. – ISBN 978-5-98201-021-6.

7. Грищенко, Т. А. Отдельные вопросы реализации избирательных прав граждан при использовании системы дистанционного электронного голосования / Т. А. Грищенко, Н. Ю. Немова, А. А. Смольяков // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 2(230). – С. 92-96. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_2_92. – EDN BYOEHV.

8. Ильин, А. А. Карнавальная политическая культура США и принцип селекции элит: почему олигархия Америки за геронтократию / А. А. Ильин // Вопросы элитологии. – 2023. – Т. 4, № 3. – С. 125-134. – DOI 10.46539/elit.v4i3.165. – EDN SPATDS.

9. Крауч, К. Постдемократия / пер. с англ. Н. В. Эдельмана; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – 2-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. – 192 с.

10. Кудрина, Ю. А. Политическое участие молодежи на выборах в Государственную Думу в 2021 году: ценностные установки, электоральные предпочтения и политическое поведение / Ю. А. Кудрина, Н. М. Печенкин, А. А. Косарева // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2022. – Т. 12, № 3. – С. 142-150. – DOI 10.26794/2226-7867-2022-12-3-142-150. – EDN WKSIQW.

11. Медийное обеспечение как инструмент повышения осведомленности и доверия российской молодежи к дистанционному электронному голосованию / Г. В. Морозова, Б. И. Якупов, А. Р. Гаврилов,

А. А. Акимов // Litera. – 2025. – № 2. – С. 212-221. – DOI 10.25136/2409-8698.2025.2.73105. – EDN BNLOLV.

12. Новикова, К. Ю. Формирование российской модели дистанционного электронного голосования / К. Ю. Новикова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2024. – № 1. – С. 94-98. – EDN JIILMA.

13. Петухов, В. В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества / В. В. Петухов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 3(157). – С. 119-138. – DOI 10.14515/monitoring.2020.3.1621. – EDN QWSVAC.

14. Пырма, Р. В. Электоральное участие молодежи в выборах президента России 2018 года / Р. В. Пырма // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2019. – Т. 9, № 2(38). – С. 50-57. – DOI 10.26794/2226-7867-2019-9-2-50-57. – EDN ZEKUOD.

15. Савеличева, И. Н. Политическая культура молодежи в научном социологическом дискурсе / И. Н. Савеличева, И. С. Шаповалова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2025. – Т. 20, № 4(100). – С. 65-85. – DOI 10.22394/2071-2367-2025-20-4-65-85. – EDN PSYEFY.

16. Селезнева, А. В. Ценностно-смысловые доминанты политической морали российской молодежи: политико-психологический анализ / А. В. Селезнева, Н. С. Скипин, Е. А. Турков // Вестник Пермского университета. Политология. – 2023. – Т. 17, № 2. – С. 60-70. – DOI 10.17072/2218-1067-2023-2-60-70. – EDN OBDBPJ.

17. Устинкина, К. Г. Электоральное поведение российской молодежи / К. Г. Устинкина // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2014. – Т. 7, № 1. – С. 139-145. – EDN SCBICD.

18. Федоров, В. И. Влияние ДЭГ на явку избирателей на выборах в России в 2021-2023 гг / В. И. Федоров // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2024. – Т. 9, № 3(33). – С. 349-358. – DOI 10.21603/2500-3372-2024-9-3-349-358. – EDN TZEBKL.

19. Честнов, И. Л. Постдемократический политический режим в постсовременном мире / И. Л. Честнов // Криминалистъ. – 2021. – № 1(34). – С. 56-61. – EDN ZOUCMW.

20. Dalton, R. J. Citizenship norms and the expansion of political participation / R. J. Dalton // Political studies. – 2008. – Т. 56. – №. 1. – С. 76-98. – DOI: 10.1111/j.1467-9248.2007.00718.x.

21. Norris, P. Democratic Deficit: Critical Citizens Revisited / P. Norris. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 350 p. – ISBN 978-0-521-19744-1.

22. Wattenberg, M. P. Is Voting for Young People? / M. P. Wattenberg. – 6th ed. – New York: Routledge, 2024. – 208 p. – DOI: 10.4324/9781032633770.

23. ВЦИОМ. Личная ответственность против зависимости и инфантилизма // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/lichnaja-otvetstvennost-protiv-zavisimosti-i-infantilizma (дата обращения: 04.08.2026); ВЦИОМ. Образ российской молодежи: мониторинг // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-rossiiskoi-molodezhi-monitoring (дата обращения: 05.08.2026)

24. Дистанционное электронное голосование: мониторинг // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/distancionnoe-ehlektronnoe-golosovanie-monitoring (дата обращения: 05.08.2026).

25. The Youth Participation Crisis // URL: https://www.opengovpartnership.org/stories/the-youth-participation-crisis/ (дата обращения: 08.08.2026).

Exclusion of youth from the agenda of election campaigns: causes, consequences and ways to overcome

Vinokurova I.A.

Ural Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

Against the backdrop of the global aging of the electorate combined with the transformation of representative democracy institutions, a systemic alienation of young citizens from conventional forms of participation in state governance is observed. The orientation of party structures toward the most disciplined older age cohorts leads to the actual marginalization of youth demands. The established imbalance blocks intergenerational continuity. At the same time, long-term risks of delegitimization of state decisions are being formed, redirecting the energy of social dissatisfaction into the channel of non-institutionalized protest. The aim of the article is to analyze the structural causes of youth exclusion from the real agenda of election campaigns; to assess the socio-political consequences of this phenomenon; and to develop practical strategies for reintegrating new generations into the legal field of public politics. The inadequacy of applying the familiar paradigm of "civic duty" to the modern young voter is substantiated. The author's scheme for overcoming electoral absenteeism through the transition to an infrastructure of "engaged citizenship" is proposed. A pool of non-trivial reintegration mechanisms is formulated: mandatory targeted quotas for young politicians in party lists; integration of micropolitical procedures of participatory budgeting into everyday life; creation of an institute of independent "digital observers" for demystifying online voting algorithms. A triad of key factors of youth political alienation is identified: demographic shift toward gerontocracy; sharp dissonance between the socio-economic needs of new generations and the conservative agenda of parties; pronounced communication gap.

Keywords: absenteeism, gerontocracy, remote electronic voting, election campaigns, youth, political alienation, political participation, electoral behavior

References

1. Ananchenkova, P. I. (2025) The future of world politics in the context of population aging. *Vlast' (The Power)*, 33(4), pp. 287-293. DOI: 10.24412/2071-5358-2025-4-287-293. https://elibrary.ru/qfssfp.
2. Antonov, R. A. (2024) Generation crisis in the US political elite at the beginning of the 21st century: the problem of gerontocracy. *Russian Social and Humanities Journal*, 2, pp. 24-38. DOI: 10.18384/2224-0209-2024-2-1426. https://elibrary.ru/gzxpps.
3. Barangov, A. O., Fedoseeva, I. A. (2023) Social infantilism in the context of education and upbringing. *Specifics of Pedagogical Education in the Regions of Russia*, 1(16), pp. 41-43. https://elibrary.ru/oacwlu.
4. Vinogradova, I. M. (2024) Remote electronic voting technology in Russia: implementation experience and further prospects. *PolitBook*, 2, pp. 51-76. DOI: 10.24412/2227-1538-2024-2-51-76. https://elibrary.ru/mianza.
5. Golovin, D. A. (2020) On the issue of studying factors affecting the political consciousness of modern Russian youth. *Social and Political Sciences*, 10(6), pp. 80-90. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-6-80-90. https://elibrary.ru/rjrnjh.
6. Gorshkov, M. K., Sheregi, F. E. (2010) Youth of Russia: a sociological portrait. Moscow: CSPiM, 592 p. ISBN: 978-5-98201-021-6.
7. Grishchenko, T. A., Nemova, N. Yu., Smolyakov, A. A. (2024) Certain issues of realizing citizens' electoral rights when using the remote electronic voting system. *Law and State: Theory and Practice*, 2(230), pp. 92-96. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_2_92. https://elibrary.ru/byoehv.
8. Ilyin, A. A. (2023) Carnival political culture of the USA and the principle of elite selection: why America's oligarchy is for gerontocracy. *Issues of Elitology*, 4(3), pp. 125-134. DOI: 10.46539/elit.v4i3.165. https://elibrary.ru/spatds.
9. Crouch, C. (2023) Post-democracy. Trans. from English by N. V. Edelman; National Research University Higher School of Economics. 2nd ed. Moscow: HSE Publishing House, 192 p.
10. Kudrina, Yu. A., Pechenkin, N. M., Kosareva, A. A. (2022) Political participation of youth in the elections to the State Duma in 2021: value orientations, electoral preferences and political behavior. *Humanities. Bulletin of the Financial University*, 12(3), pp. 142-150. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-142-150. https://elibrary.ru/wksiqw.
11. Morozova, G. V., Yakupov, B. I., Gavrilov, A. R., Akimov, A. A. (2025) Media support as a tool for increasing awareness and trust of Russian youth in remote electronic voting. *Litera*, 2, pp. 212-221. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73105. https://elibrary.ru/bnlolv.
12. Novikova, K. Yu. (2024) Formation of the Russian model of remote electronic voting. *Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*, 1, pp. 94-98. https://elibrary.ru/jiilma.
13. Petukhov, V. V. (2020) Russian youth and its role in the transformation of society. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3(157), pp. 119-138. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621. https://elibrary.ru/qwsvac.
14. Pyrma, R. V. (2019) Electoral participation of youth in the 2018 Russian presidential elections. *Humanities. Bulletin of the Financial University*, 9(38), pp. 50-57. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-2-50-57. https://elibrary.ru/zekuod.
15. Savelicheva, I. N., Shapovalova, I. S. (2025) Political culture of youth in scientific sociological discourse. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 20(100), pp. 65-85. DOI: 10.22394/2071-2367-2025-20-4-65-85. https://elibrary.ru/psyefy.
16. Selezneva, A. V., Skipin, N. S., Turkov, E. A. (2023) Value-semantic dominants of political morality of Russian youth: political-psychological analysis. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 17(2), pp. 60-70. DOI: 10.17072/2218-1067-2023-2-60-70. https://elibrary.ru/obdbpj.
17. Ustinkina, K. G. (2014) Electoral behavior of Russian youth. *Problem Analysis and Public Administration Projection*, 7(1), pp. 139-145. https://elibrary.ru/scbicd.
18. Fedorov, V. I. (2024) The impact of REM on voter turnout in elections in Russia in 2021-2023. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, 9(33), pp. 349-358. DOI: 10.21603/2500-3372-2024-9-3-349-358. https://elibrary.ru/tzebkl.
19. Chestnov, I. L. (2021) Post-democratic political regime in the post-modern world. *Kriminalist*, 1(34), pp. 56-61. https://elibrary.ru/zoucmw.
20. Dalton, R. J. (2008) Citizenship norms and the expansion of political participation. *Political Studies*, 56(1), pp. 76-98. DOI: 10.1111/j.1467-9248.2007.00718.x.
21. Norris, P. (2011) Democratic Deficit: Critical Citizens Revisited. Cambridge: Cambridge University Press, 350 p. ISBN: 978-0-521-19744-1.
22. Wattenberg, M. P. (2024) Is Voting for Young People? 6th ed. New York: Routledge, 208 p. DOI: 10.4324/9781032633770.